

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАВАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

1901.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ТРЕХЪ ТАБЛИЦЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1902.

впервые проложивший путь къ признанію единства задачъ армянской и грузинской филологіи. Это черта ярко выступаетъ во всѣхъ основныхъ трудахъ Броссе. Въ авторѣ этихъ трудовъ мы видимъ ученаго, работающаго съ замѣтнымъ настроеніемъ къ теоріи армяно-грузинской филологіи. Настроение это у него не слагалось въ особое учение, оно не выходило за предѣлы чисто историческихъ интересовъ, но плодотворность и важность его невольно сообщается специалисту при чтеніи произведеній Броссе.

Въ общемъ можно сказать, что Броссе сдѣлалъ все, что было въ его личныхъ силахъ и въ научныхъ силахъ его времени, для процвѣтанія разработывавшихся имъ областей востоковѣдѣнія, и память его не можетъ не быть дорогой всякому, имѣющему основаніе сочувствовать правильной научной постановкѣ грузиновѣдѣнія и арменистики.

Н. Марръ.

Арабское извлеченіе изъ сирійской Хроники Марибаса.

(Къ вопросу объ Исторіи Моисея Хоренскаго 1).

Въ 1896 году въ замѣткѣ объ одномъ спискѣ *Исторіи* Михаила Сирійца аббатъ F. Nau далъ въ JA (VIII, стр. 523—527) свѣдѣнія о кодексѣ Британскаго музея (Oriental ms. n°. 4402), содержащемъ арабскую ея версію сирійскимъ письмомъ. Въ первыхъ строкахъ предисловія на сирійскомъ языкѣ Nau обратилъ вниманіе на «книгу Марибаса Халдейца», названную въ числѣ источниковъ патріарха Михаила. Nau при этомъ сообщилъ, что въ Парижской Національной библіотекѣ имѣется (Fonds syriaque, № 306, fol. 71b—77) *Хроника* каршуніи, приписанная именно Марибасу Халдейцу.

Нѣсколько раньше описалъ содержащую эту *Хронику* рукопись въ томъ же VIII томѣ *Journal Asiatique* (стр. 252—254) Chabot, еще въ началѣ 1896 года издавшій (JA. VII, стр. 100—132) небольшой сирійскій текстъ объ іезидахъ по той же рукописи²). Chabot сообщилъ печатно (JA. VIII, стр. 253), что онъ готовитъ изданіе *Хроники* Марибаса Халдейца.

---

1) Читано 21 февраля 1902 г. въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Имп. Русскаго Археолог. Общества.

2) Кстати, **ܡܪܝܒܫܐ ܚܠܕܝܐ** *Намса и Мискофъ* (ожидали бы *Москофъ*) этого сирійскаго текста, т. е. *Германія и Россія*, упоминаемая непосредственно за Римомъ и Франціею (стр. 116, 7), у Chabot почему-то переведены (стр. 181, 12) Индіею и Монголіею, въ послѣднемъ случаѣ впрочемъ съ вопросомъ («dans l'Inde, la Mongolie (?)»).

Въ декабрьскомъ номерѣ того же (1896) года *Բազմալեզու*՝а, органа венеціанскихъ мхитаристовъ, была помѣщена редакціею, въ видѣ прибавленія, замѣтка подъ названіемъ *Интересная новость* (*Հետաքրքրական նոր թիւն մը*). Въ ней сообщалось о находкѣ «сирійской книги», гесп. «рукописи», очевидно, на основаніи слуховъ, исходившихъ изъ круга Саггіеге и Наи, причемъ послѣднему приписана, какъ и въ упоминаемомъ ниже письмѣ Саггіеге՝а, честь самого открытія ¹⁾.

Въ январѣ 97 года въ органѣ вѣнскихъ мхитаристовъ (I, стр. 2—5) появилось довольно обстоятельное письмо на французскомъ и армянскомъ языкахъ французскаго армениста, нынѣ покойнаго, Саггіеге՝а.

Въ письмѣ Саггіеге՝а были указаны характерныя, неожиданныя для крайнихъ критиковъ Хоренскаго, черты арабскаго извлеченія, но въ общемъ письмо было проникнуто увѣренностью, что крайне отрицательное отношеніе къ Хоренскому оправдывается этимъ новымъ памятникомъ. Саггіеге обѣщалъ подѣлиться болѣе подробнымъ изслѣдованіемъ Мариабасовой *Хроники* въ ближайшемъ будущемъ ²⁾.

Ввиду предстоящей мнѣ поѣздки на Синай и въ Іерусалимъ я рѣшилъ заглянуть въ памятникъ и, не дождавшись изданія, черезъ Университетъ получалъ самую рукопись изъ Парижа. Я долженъ признаться, что арабскому тексту Мариабасовой *Хроники* я не былъ расположенъ придать большое значеніе. Во-первыхъ, само письмо Саггіеге՝а предупреждало, что онъ лишь «довольно интересенъ». Во-вторыхъ, мнѣ казалось, что въ арабскомъ текстѣ мы можемъ имѣть переводъ съ армянскаго, какъ напр. въ арабскомъ текстѣ *Книги лисскихъ притчъ* (Н. Марръ, *Сборникъ притчъ Вардана*, I, стр. 1 сл.).

Непосредственное знакомство съ рукописью разсѣяло эти мысли. Въ рукописи оказался дѣйствительно самостоятельный, цѣнный для критики Хоренскаго, памятникъ.

Рукопись новая: переписана въ 1889 г. Но нѣкоторыя обстоятельства показываютъ, что она списана съ болѣе или менѣе древней рукописи, пострадавшей въ цѣломъ рядѣ мѣстъ.

---

1) Болѣе интереса, чѣмъ эта репортерская замѣтка, предвосхищавшая новизну о сообщенія Саггіеге՝а, представляетъ вторая часть другой редакціонной статьи по тому же вопросу (*Բազմալեզու թիւն մը Մար Երանու գրական ժամանակ*) въ *Բազմալեզու*՝ѣ (1897, стр. 43—45), гдѣ въ связи со слухомъ, возникшимъ еще въ сороковыхъ годахъ среди армянъ, объ открытіи сирійскаго текста *Исторіи* Мар-Абаса, оказавшейся послѣ долгихъ поисковъ будто-бы сочиненіемъ Варебрея, даны свѣдѣнія о доставленныхъ покойному о. Азизиану выпискахъ изъ этого труда.

2) Нѣсколько позже редакція *Հանդես Եւրոպայ* заявляла (1897, стр. 294), что Саггіеге готовится работу по этому вопросу для трудовъ парижскаго конгресса ориенталистовъ.

Доступный въ парижской рукописи текстъ, въ десять съ небольшимъ страницъ in-f^o, представляетъ, несомнѣнно, извлеченіе. Это явствуетъ не только изъ заглавной строки, гласящей «копья напишемъ собранныя мѣста (صکاح صلیب) изъ Описанія временъ Марибаса Халдейца», но и изъ самого изложения, гдѣ между прочимъ часто наталкиваемся и на выраженіе *опять* или *еще*, по всей видимости, предвѣщающее каждое новое извлеченіе.

Въ цѣлости арабское извлеченіе начинается съ повѣствованія о Нимвродѣ и кончается исторіею обрѣтенія Еленю, матерью Константина, Креста Господня. Въ послѣдней строкѣ рѣчь о построеніи Еленю храма въ Виелеемѣ и на горѣ Елеонской.

Авторъ «Описанія временъ» держался широкой программы, даже судя по арабскому извлеченію. Онъ писалъ всеобщую исторію, въ которой отводилъ мѣсто не однимъ политическимъ событіямъ, такъ напр. онъ даетъ свѣдѣнія о философіи Платона, о возникновеніи селевкийской эры, о семи сектахъ въ Иудеѣ во время появленія Христа, о переименованіи дней недѣли папою Сильвестромъ и т. п. Конечно, въ арабскомъ извлеченіи свѣдѣнія эти въ высшей степени кратки. Особенное вниманіе удѣляется легендамъ, въ частности христіанскимъ.

Арабскій текстъ переведенъ съ сирійскаго: на это указываетъ отчасти само письмо, сирійское, но главнымъ образомъ сирійскія названія мѣсяцевъ и появленіе сирійскаго заглавія памятника (صکاح وقتا بحمص حلبا) въ заглавной строкѣ арабскаго текста. Оригиналъ вообще былъ сирійскій: на это указываетъ, кромѣ имени автора, особый интересъ его къ Сиріи и сирійскому языку¹⁾. Такъ онъ сообщаетъ объ основаніи почти всѣхъ главныхъ сирійскихъ городовъ, въ томъ числѣ объ основаніи Едессы Нимвродомъ, согласно одной еврейской традиціи (Duval, *Histoire politique, religieuse et littéraire* etc. Paris 1892, стр. 20), тогда какъ Хоренскій при-

1) Марибасъ представляетъ греческую форму имени. На сирійскомъ оно должно было звучать Мариба или Мараба. Болѣе древній армянскій писатель, Анонимъ, употребляетъ сирійскую форму: Գրչրչրչ Թարաբա (изд. К. Патканова, стр. 1, 8). У Хоренскаго имя появляется въ эллинизованной формѣ Գրչր Երչր Թարաբասъ, герр. *Мар-Абасъ* (I, 8, Тифл. изд. 1881, стр. 28, 5, I, 9, стр. 30, 13, I, 14, стр. 50, 7, II, 9, стр. 120, 18—14 и 17), но не всегда. Такъ два раза (I, 9, стр. 29, 21, I, 18, стр. 61, 3) въ *Исторіи* Хоренскаго имя сохранено въ древней формѣ Գրչր Երչր Թар-Аба. Кромѣ того ви. Мар-Абаса печатнаго изданія въ II, 9 (Тифл. 1881, стр. 120, 17) Санаинская рукопись читаетъ Գրչր Երչր Թар-Аба (Н. Марръ *Изъ лютней поездки въ Арменію*, Зап. Вост. Отд., VI, стр. 188). Въ рукописяхъ *Исторіи* Хоренскаго появляется и форма Мариба (I, 9, стр. 29, 21, по Санаинской рукописи), герр. Марибасъ (I, 8, стр. 28, 5, по рп. въ сравненіяхъ Каренянца, I, 9, стр. 30, 13, по Санаинской рп.). При обсужденіи имени сирійскаго историка эллинизованная форма арабскаго извлеченія такимъ образомъ не можетъ имѣть никакого значенія: она, очевидно, позднѣйшее явленіе.

писываетъ ея основаніе царю Авгарю. Авторъ говоритъ, что сирійскій языкъ, пожалуй, первый, что сирійцы — ассирійцы, что пророкъ Моисей *Пятикнижіе* писалъ на сирійскомъ языкѣ и т. п.

Нѣкоторые термины въ арабскомъ извлеченіи могутъ принадлежать арабскому переводчику, такъ раза два «копты» вм. египтянъ. Есть упоминаніе и о туркахъ. Сама по себѣ наличность этого термина еще можетъ быть согласована съ тѣмъ временемъ, къ которому я склоненъ былъ бы отнести памятникъ, именно со второю половиною VI-го вѣка. Тѣмъ болѣе, что «турки» въ одномъ случаѣ приходится понимать, какъ кавказское племя. Но тутъ возникаетъ вопросъ, не внесено ли въ арабское извлечение кое-что новаго противъ подлинника. Эта мысль заставляетъ пока воздерживаться отъ окончательнаго опредѣленія времени подлинной Марибасовой *Хроники* по арабскому извлеченію, въ которомъ часть о Византіи кончается временемъ Константина, часть объ Арменіи прерывается съ прекращеніемъ армянскаго царства, по всей вѣроятности послѣдняго, въ концѣ четвертаго вѣка, если не считать царей по раздѣленіи Арменіи, а о Персіи рѣчь, повидимому, доводится вплоть до появленія арабовъ, но въ такой фразѣ, которая можетъ быть признана вставкою. Впрочемъ о самихъ арабахъ нѣтъ рѣчи.

Для насъ особый интересъ имѣетъ значеніе *Хроники* Марибаса для вопроса объ *Исторіи армянъ* Хоренскаго; но надо предварительно постановиться съ постановкою вопроса.

Вопросъ въ данный моментъ не объ исторической достовѣрности тѣхъ или другихъ данныхъ *Исторіи* Хоренскаго. Степень достовѣрности или, наоборотъ, чаще недостовѣрности многихъ страницъ этой *Исторіи* въ настоящее время легко выяснить, и въ главныхъ чертахъ такая работа продѣлана уже, но она однако мало освѣщаетъ чисто литературную сторону дѣла или, что едва-ли лучше, освѣщаетъ ее предвзято. Опредѣленіе времени появленія наличной редакціи *Исторіи армянъ* также не составляетъ очередного момента въ вопросѣ о Хоренскомъ. Лучшія данныя для опредѣленія времени, во-первыхъ, въ общемъ духѣ памятника, ярко національномъ, во-вторыхъ, въ проникающемъ автора увлеченіи греческою образovanностью и, въ-третьихъ, въ подборѣ историческихъ источниковъ явно сирійскаго происхожденія или сирійской обработки, составляющемъ въ значительной степени матеріальную основу его изложенія. Такой памятникъ, понятно, долженъ быть отнесенъ не къ пятому столѣтію, къ первому вѣку армянской христіанской письменности, а къ значительно болѣе поздней порѣ, когда исключительно сирійское направленіе было преданіемъ старины, а смѣнявшее его культурное эллинофильство успѣло вызвать въ литературѣ національное теченіе. Такой общей датировкѣ историческаго труда Моисея

Хоренскаго, идущей въ разрѣзъ съ традиціоннымъ о немъ представленіемъ, вполне соответствующимъ и внѣшнимъ качествамъ памятникка, въ томъ числѣ языкъ, какимъ онъ писанъ. Конечно, желательно точнѣе фиксировать самое время появленія *Исторіи армянъ* Хоренскаго, но для этого рѣшающимъ факторомъ не можетъ явиться выясненіе источника того или другого отдѣльнаго эпизода изъ *Исторіи армянъ*. Въ лучшемъ случаѣ такой памятникъ можетъ опредѣлить *terminus a quo*, и въ этомъ отношеніи *Хроника Марибаса*, гегр. Марабы, какъ основной источникъ, особенно любопытна, но это не удовлетворитъ назрѣвшему запросу, къ какому въ точности времени относится *Исторія армянъ* Хоренскаго.

Въ данный моментъ вопросъ о Хоренскомъ очереднымъ можно считать лишь въ такой постановкѣ: въ сферѣ какихъ умственныхъ интересовъ, при посредствѣ какихъ научныхъ приемовъ и на основаніи какихъ источниковъ, хотя бы и недостоверныхъ съ точки зрѣнія современной намъ исторической критики, составлена *Исторія армянъ*? Этотъ вопросъ, конечно, очень сложенъ, но *Исторія армянъ* Хоренскаго — весьма сложное явленіе; она представляетъ самое характерное произведеніе въ древне-армянской исторической литературѣ. Въ немъ особенно ярко сказались всѣ черты, какъ положительныя, такъ и отрицательныя древне-армянской христіанской культуры, на немъ съ наибольшою полнотою отразились вообще наличные въ древней Арменіи словесные матеріалы. Помимо необходимости выяснить предварительно умственные запросы и приемы научно-литературной работы, особые въ каждый отдѣльный періодъ древне-армянской письменности, въ частности такіе запросы и приемы, которые характеризуютъ трудъ Хоренскаго, настоитъ еще опредѣлить существенныя черты армянской народной словесности, выработать мѣрила для опредѣленія ея подлинности. Въ *Исторіи армянъ* Хоренскаго, несомнѣнно, использованы наряду съ книжными источниками и устные, народныя сказки и пѣсни. Прошло время, когда *Исторію армянъ* Хоренскаго признавали составленною на основаніи подлинныхъ архивныхъ данныхъ и достоверныхъ сообщеній современниковъ или очевидцевъ. Прошло то время, когда въ этой *Исторіи армянъ* хотѣли видѣть искусственную переработку цѣликомъ армянскихъ народныхъ пѣсенъ. Столь же преходящъ считающійся теперь современнымъ взглядъ на Хоренскаго, какъ на автора умышленно лживой *Исторіи*, какъ на сознательнаго извратителя вѣрныхъ историческихъ данныхъ. Нельзя отрицать, что Хоренскій допускаетъ въ своей *Исторіи* фикцію въ болѣе или менѣе значительной степени, но эта фикція представляетъ прежде всего плодъ наличныхъ въ его время взглядовъ на способъ изложенія исторіи. У этой фикціи имѣются свои границы, опредѣляемыя въ корнѣ не произволомъ

писателя, а научными приемами, современными Хоренскому. Вся задача при разрешении вопроса о Хоренскомъ въ томъ собственно и состоитъ, чтобы прослѣдить, какъ въ его трудѣ переплетаются разнородные элементъ, въ какой мѣрѣ представлены въ каждомъ данномъ случаѣ три основные его источника, т. е. народныя сказанія, книжные памятники и его личное творчество, какъ особый современный ему научный приемъ.

Естественно, такая задача не можетъ найти окончательное рѣшеніе въ какомъ либо отдѣльномъ памятникѣ. Она не находитъ его и въ арабскомъ извлеченіи изъ сирійской *Хроники* Марибаса, но достаточно и того, что это извлеченіе оправдываетъ правильность постановки такой задачи, попутно нанося чувствительный ударъ тому крайнему направленію въ критикѣ *Исторіи армянъ*, которое признавала личною выдумкою Хоренскаго все то, что не находило подтвержденія въ извѣстныхъ до сихъ поръ памятникахъ.

Это систематическое недоверіе къ Хоренскому внушалось не только въ общихъ вопросахъ, но и въ частныхъ. Такъ напр. Хоренскій, ссылаясь въ объясненіи двухъ имень предполагаемаго отца царя Авгаря на другіе подобныя случаи (II, 24), приводитъ въ примѣръ между прочимъ Ирода, котораго будто звали еще Агриппою (ՀԵՐՈՎԻԿԱ ԱԳՐԻՊՊԱ). Саггіега видѣлъ (*La légende d'Abgare*, стр. 384) и въ этомъ мелкомъ фактѣ личное усмотрѣніе Хоренскаго, никѣмъ не поддерживаемое въ древности. Хоренскому понадобился такой фактъ, и онъ съ этою цѣлью воспользовался непосредственно Евсевіемъ. «Разказавъ по *Дьяніямъ* апостоловъ, какъ Иродъ среди роскоши, которой онъ предавался, и среди народной лести былъ пораженъ на смерть ангеломъ Господа, историкъ церкви, поясняя Саггіега, «воспроизводитъ совершенно схожій разказъ Іосифа Флавія, въ которомъ однако дѣйствующее лицо называется Агриппою. Отсюда Евсевій заключилъ о тождествѣ Ирода и Агриппы, сдѣлавъ замѣчаніе, что имя могло измѣниться отъ небрежности писца или что «у того лица было два имени, какъ у многихъ другихъ». «Моисей Хоренскій», заключаетъ Саггіега, «усваиваетъ себѣ это послѣднее объясненіе и цитуетъ, какъ первый примѣръ двойного имени, Агриппу-Ирода». Однако теперь оказывается, что Хоренскому, который хорошо зналъ Марибаса, гесп. Марабу, нечего было лично выработать это двойное имя на основаніи Евсевія. У Марабы подъ этимъ двойнымъ именемъ и упоминалось объ Иродѣ, судя по арабскому извлеченію, гдѣ онъ названъ (إبراهيم بن إزدبار¹⁾).

---

1) Кстати замѣчу, что Иродъ-Агриппа имѣется и въ сирійскомъ текстѣ *Дьяній* 12,1: ܐܝܘܒ ܒܢ ܐܝܘܒ ܥܘܠ ܥܘܠܐ ܥܘܠ ܥܘܠܐ ܥܘܠ ܥܘܠܐ царь Иродъ, называемый Агриппой (о характерѣ

Про Санатрука рассказывается у Хоренского (II, 35), что по воцареніи «главную изъ женъ Авгаря, имя которой было Елена, онъ отправилъ въ Харанъ, въ ея городъ, на жительство, предоставивъ ей власть надъ всею Месопотаміею за то добро, которое онъ находилъ у Авгаря черезъ нее.

«Эта Елена, украшенная вѣрою, какъ ея мужъ Авгаръ, не вынесла жизни среди идолопоклонниковъ [Харана], и отправилась въ Іерусалимъ во дни Клавдія во время голода, о которомъ пророчествовалъ Агабъ. Она дала всѣ свои сокровища въ Египетъ, купила очень много пшеницы и роздала всѣмъ нуждавшимся, о чемъ и свидѣтельствуеъ Іосифъ. Ея замѣчательный памятникъ находится у воротъ Іерусалима до сего времени».

Сarrigère (*La légende d'Abgare*, стр. 412) выясняетъ комбинацію, привешую Хоренскаго къ утверженію, будто Елена была «первая изъ женъ Авгаря», которой Санатрукъ предоставилъ «суверенную власть надъ Месопотаміею». Эта комбинація Хоренскаго, по мнѣнію Сarrigère'a, основана на одной ошибкѣ въ армянской версіи *Церковной исторіи* Евсевія: здѣсь (II, 12) она два раза названа «царицею Месопотаміа», тогда какъ на самомъ дѣлѣ она была «царицею Адиабена». Однако въ Марабѣ, завѣдомомъ источникѣ Хоренскаго, эта же Елена также была названа царицею Месопотаміи. «Елена», замѣчаетъ далѣе Сarrigère, «была еврейка, а не христіанка, какъ того хочетъ Моисей Хоренскій». И эта подробность объясняется теперь не однимъ хотѣніемъ Хоренскаго, но и свѣдѣніемъ его источника, Марабинной *Хроники*, гдѣ, судя по арабскому извлеченію, (стр. 75а), уже говорилось о добрыхъ отношеніяхъ Елены къ христіанамъ, именно о заключеніи этою «царицею Месопотаміа» союза съ ними.

Еще больше значенія имѣютъ свѣдѣнія арабскаго извлеченія изъ Марибасовой *Хроники* по самой основѣ исторіи Арменіи.

По древнѣйшей исторіи Арменіи на армянскомъ языкѣ имѣются два сочиненія, одно—Анонима, другое—Хоренскаго. Въ обоихъ основнымъ авторитетомъ названъ Мараба, гесп. Марабасъ, или Маряба, гесп. Марябасъ, сиріецъ. Мною было въ свое время подробно выяснено, что въ произведенія Анонима мы имѣемъ болѣе древнюю обработку начальной исторіи Арменіи. Арабское извлеченіе изъ сирійской *Хроники* Марибаса подтверждаетъ это мнѣніе. Въ *Начальной исторіи* Анонима по существу удержанъ тотъ планъ, который лежалъ въ основѣ изложенія Марабы, гесп. Марибаса, судя по арабскому извлеченію. Нимвродь, Белъ и вавилоняне, мидійцы,

---

этого сирійскаго разночтенія см. J. M. Bell, *The evidence of the early and patristic quotations etc.*, Studia bibl. et eccles., II, стр. 208). Въ вульгатномъ текстѣ армянскаго перевода прибавленія къ имени Ирода («называемый Агриппой») нѣтъ, но не было ли оно въ древнемъ армянскомъ текстѣ?

Александръ Великій, селевкиды, возстаніе парянъ и, въ связи съ этимъ фактомъ, возникновеніе перваго армянскаго царства, составляютъ послѣдовательно рубрики для историческаго повѣствованія, какъ у Анонима, такъ въ соответствующей части *Хроники* Марибаса. Въ Марибасѣ мы находимъ общее съ исторіею Анонима утвержденіе, что первые армянскіе цари это тѣ, которые появились въ Арменіи непосредственно за утвержденіемъ аршакидовъ въ Персіи. Какъ извѣстно, для Хоренскаго эти армянскіе цари составляютъ вторую армянскую династію. До нея Хоренскій знаетъ еще одну армянскую династію съ ея исторіею, это хайкидовъ. Анонимъ также знаетъ хайкидовъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, но хайкиды въ изложеніи Анонима лишь «доблестные мужи», «патріархи», но никакъ не цари. Хоренскій вообще распространяетъ, изукрашиваетъ или дополняетъ Анонима. Такъ, напр., Анонимъ даетъ хронологическій списокъ армянскихъ царей двухъ династій, одной аршакидской, начавшейся почти одновременно съ персидскими аршакидами, другой, авгаридской, но Анонимъ не говоритъ о родствѣ этихъ династій. Хоренскій выработалъ генетическую преемственность между членами этихъ двухъ различныхъ династій, ставъ тѣмъ въ яркое противорѣчіе съ первоисточникомъ, именно сирійскою *Хроникою* Марабы, геср. Марибаса. Судя по арабскому извлеченію, сравнительно болѣе обстоятельному по этому именно вопросу, объ единствѣ этихъ двухъ армянскихъ династій не должно быть рѣчи.

Если Хоренскій по отношенію къ Анониму является распространителемъ, то и Анонимъ по отношенію къ Марабѣ, геср. Марибасу, не довольствуется простою ролью пересказчика. Конечно, сравненіе съ Марабою значительно затруднено тѣмъ, что его *Хроника* намъ предлежитъ въ сокращеніи, но нѣкоторыя заключенія все же позволяютъ дѣлать налицный арабскій текстъ. Такъ, напр., Анонимъ первую армянскую династію, возникающую вслѣдъ за утвержденіемъ аршакидовъ въ Персіи, производитъ отъ аршакидовъ, считаетъ вѣтвью персидскихъ аршакидовъ, называя перваго же армянскаго царя Аршакомъ (у Хоренскаго онъ названъ Валаршакомъ). Марибасъ, онъ же Мараба, перваго царя этой династіи называетъ «Кесра» или «Касре» كسره, т. е. Хосроемъ. Это еще не важно, такъ какъ Аршакъ представлялъ собственно родовой титулъ, а не имя, каковымъ могъ быть «Хосрой» Марибаса, но Марибасъ вовсе не считаетъ этой династіи аршакидской. Въ арабскомъ извлеченіи изъ Марибаса читаемъ: «Когда увидѣли народы (собственно племена الكائنات), что царство персовъ упразднилось, то они обрадовались, такъ какъ оно держало ихъ въ подчиненіи. Послѣ этого мидійцы поставили себѣ царя и назвали его аршакомъ. Тѣхъ, которые слѣдовали за нимъ, называли такъ же [т. е. аршакомъ]. И армяне

когда увидѣли, что парояне (م[و]ل[ت]، герс. م[و]ل[ت]م) сдѣлали себѣ царя, то и они поставили себѣ царя въ Великой Арменіи, котораго назвали «Касре», т. е. Хосроемъ. Ихъ было девять царей изъ одного рода. Это тѣ турки (م[و]ل[ت]م) в. м. م[و]ل[ت]م), чтѣ въ Грузіи¹⁾. Персидское царство вра[ждовало] съ армянами, чтобы не соединялись они съ ромеями изъ-за христіанства, (персы) притѣсняли ихъ, подчинили, уничтожили, такъ что прекратилось царство армянъ въ 180 году греческой эры²⁾.

Надо однако замѣтить, что и въ отношеніи этой династіи Анонимъ значительно ближе стоитъ къ Марибасу, чѣмъ Хоренскій. Если исключить перваго армянскаго Аршака, котораго Анонимъ, называя его такъ, считаетъ сыномъ перваго персидскаго Аршака, и котораго Хоренскій, называя его Валаршакомъ, считаетъ братомъ того же Аршака, словомъ, если исключить того Аршака, при посредствѣ котораго устанавливается родство армянскихъ аршакидовъ съ персидскими, то у Анонима оказывается ровно столько членовъ этой династіи, сколько было ихъ и по Марибасу. Въ арабскомъ извлеченіи названо число ихъ «девять», а въ Анонимѣ перечислены они поименно: Аршакъ, Арташесъ, Артаванъ, Аршавиръ, Аршакъ, Еровандъ, Арташесъ, Тиранъ, Тигранъ, всего девять. У Хоренскаго это число разбито и разбѣино, такъ какъ въ линію армянской аршакидской династіи онъ ввелъ рядъ такъ называемыхъ едесскихъ царей Арменіи.

Про вторую династію Марибасъ пишетъ: «Когда армяне увидѣли, что персы [ослабѣли?], то они сдѣлали себѣ царя другой разъ и назвали его Авгаремъ. Онъ былъ доблестенъ, могучъ и испытанъ въ войнахъ. Онъ и дѣти его завладѣли предѣлами Вавилона. Впродолженіе 380 лѣтъ отъ 180 года греческой эры до [пропускъ] цари едесскіе правили Арменію. Послѣ того получили власть римляне съ 470 года греческой эры».

Хоренскій (II, 24) также говорятъ, но про Арджамъ, предполагаемаго отца Авгаря, что «армянскія войска, собравшись, сдѣлали его царемъ надъ собою».

1) Правильно или нѣтъ, но существованіе какого-то народа «туркъ» на Кавказѣ мѣстные источники относятъ къ самому отдаленному времени. По *Грузинской лѣтописи*, дошедшей до насъ въ спискѣ X-го вѣка, мѣстные обитатели, которыхъ застаётъ Александръ Македонскій въ Грузіи, были «бунтурки» (Такайшвили, *სამეგრელოს მახლობელი მახლობელი*, Тифлисъ 1890, стр. 1, 4 et pass.), что на армянскомъ языкѣ означаетъ «коренныхъ турокъ» (Н. Марръ, *Иполитъ. Толкованіе Писни псней*, стр. LXII). Въ VII вѣкѣ армяне уже знаютъ о туркахъ: Себзосъ два раза (гл. XIV, XVIII), если не больше, упоминаетъ о «Туркестанѣ» (*Պարսկաստան*). Въ *Географіи*, приписывавшейся Хоренскому, рѣчь и о Туркестанѣ, и о туркахъ (изд. К. Патканова, стр. 79 = арм. текстъ, стр. 24).

2) Я обожу въ настоящемъ предварительномъ сообщеніи вопросъ о значеніи хронологическихъ данныхъ Марибасовой *Хроники*.

Хоренскій обставляетъ это сообщеніе кромѣ того различными подробностями, но для насъ важнѣе уже тотъ фактъ, что такъ называемая «арменизация» едесскихъ царей не есть плодъ выдумки Хоренскаго или Анонима, а восходитъ къ ихъ первоисточнику Марабѣ, гесп. Марибасу. Въ арабскомъ извлеченіи изъ Марибаса другой разъ названъ Авгарь армянскимъ царемъ по поводу его переписки съ Христомъ: «Воцарился Авгарь въ Едессѣ надъ армянами, написалъ письмо къ Христу». Кромѣ Авгаря изъ армянскихъ царей, пожалуй, этой династіи въ арабскомъ извлеченіи изъ Марибаса названъ Артатъ, современникъ Константина. Очевидно, это Трдатъ Анонима и Хоренскаго.

У Марибаса читаемъ: «царемъ армянъ былъ Артатъ, когда Константинъ вступилъ въ Римъ и передъ нимъ бѣжалъ Сильвестръ».

Однако объ обращеніи армянъ въ христіанство Григоріемъ и о существенной роли въ этомъ дѣлѣ Трдата арабское извлеченіе молчитъ, но въ немъ сообщается объ обращеніи армянъ Константиномъ, что противорѣчитъ разсказу Хоренскаго, да и вообще армянскихъ историковъ объ этомъ событіи.

Говоря о научныхъ приемахъ армянскихъ историковъ, допускавшихъ вышываніе новыхъ, иногда весьма богатыхъ, узоровъ на предлежавшей имъ основѣ, надо помнить, что эти приемы не чужды и историкамъ древности, а въ средѣ древне-христіанскихъ писателей они составляютъ общее явленіе. Этими приемами выработаны многочисленные христіанскіе апокрифы и вообще вся псевдо-эпиграфическая литература, историко-культурное значеніе которой никѣмъ не подвергается сомнѣнію. Къ этой послѣдней относится и *Исторія армянъ* Хоренскаго¹⁾.

Анонимъ, авторъ *Начальной исторіи армянъ*, также не избѣгаетъ такого рода приемовъ. Пользуясь сирійскою *Хроникою* Марабы, извѣстною теперь намъ въ арабскомъ извлеченіи, онъ обогатилъ ее новыми данными, непмѣвшимися у Марабы. Современники Анонима, знавшіе, конечно, Марабу въ подлинникѣ или въ армянскомъ переводѣ, естественно, должны были отнестись съ подозрѣніемъ къ сравнительно болѣе подробной исторіи Анонима. Возникалъ вопросъ, откуда Анонимъ взялъ эти подробности? Анонимъ предупреждаетъ этотъ вопросъ, прибѣгая къ обычному приему апокрифовъ. Анонимъ сообщаетъ, что исторія пяти царей, т. е. по его изложенію трехъ селевкидовъ, одного персидскаго аршакида и одного армянскаго аршакида, была написана на столбѣ по повелѣнію аршакидскаго царя въ Низибинѣ. Столбъ этотъ отрыли, когда въ Низибинѣ искали колонны для

---

1) Здѣсь не обсуждается вопросъ о самомъ имени Моисея Хоренскаго.

персидскаго двора¹⁾. Мараба Низибинскій воспользовался текстомъ надписи на открытомъ столбѣ. Анонимъ имѣетъ передъ собою эту обработку въ извѣстной всѣмъ лѣтописи мудраго Марабы Низибинскаго, но онъ, Анонимъ, въ то же время, по его словамъ, располагаетъ копіею самой надписи, которую онъ досталъ въ Месопотаміи отъ учениковъ Марабы, геср. Марибаса.

Такимъ образомъ читатель можетъ быть спокоенъ, что новыя подробности въ книгѣ Анонима извлечены изъ достовѣрнаго источника.

Значительно труднѣе было положеніе Хоренскаго: онъ не только обильно разукрасилъ затѣйливыми подробностями *Исторію* Анонима, но и открылъ еще одну армянскую династію, династію хайкидовъ, самую древнюю, члены которой у Анонима являются лишь доблестными мужами, патриархами Арменіи. Хоренскій долженъ былъ опереться на чей либо авторитетъ, чтобы внушить довѣріе своему пространному повѣствованію. Въ вопросѣ о древней исторіи имя Марабы и во время Хоренскаго пользовалось, надо полагать, еще значеніемъ среди армянъ. Хоренскій воспользовался этимъ именемъ, но при этомъ сдѣлалъ рискованный шагъ. Онъ удержалъ его имя «Мараба», геср. Марабасъ, или «Мариба», геср. Марибасъ, его прозвище «Халдеецъ», сохраненное и арабскимъ извлеченіемъ, и сирійскую форму его званія, какъ ученаго, «Катина» *мудрый*, что у Анонима переведено словомъ «Философъ», но при этомъ онъ переимѣствовалъ христіан-

1) Эта подробность легенды, исканіе колоннъ въ Низибинѣ, находится въ связи, по всей вѣроятности, съ сирійскою этимологіею названія этого города: **ܢܝܒܝܢ** *Низибинъ* по сирійски значить *колонны*. Кстати, любопытно въ качествѣ показателя сирійскаго вліянія на Анонима и слово **ܫܠܡܐ** (стр. 9, 16), означающее *шлемъ*. Въ армянскихъ текстахъ оно есть **ժաշկ** *лѣгъшево* (*Большой словарь* мхитаристовъ его не знаетъ вовсе). Въ словѣ мы имѣемъ передачу сир. **ܫܠܡܐ** *шлемъ*, съ пропускомъ женскаго окончанія и съ закономѣрнымъ ослабленіемъ гласнаго и = *л*. въ *э = л*, во взаимнъ съ обычнымъ удвоеніемъ п въ пд при стеченіи съ плавнымъ г (Н. Маррѣ, *Грамматика древне-армянскаго языка*, § 48, 2). Слово считается иранскимъ по происхожденію (de Lagarde, *Ges. Abhandl.*, стр. 72), но это нашего вопроса не касается: оно въ сирійскомъ засвидѣтельствовано въ весьма древнихъ памятникахъ; **ܫܠܡܐ** встрѣчается помимо цитованныхъ въ словарѣ Brockelmann'a мѣстъ еще въ слѣдующихъ замѣченныхъ мною при чтеніи случаяхъ: *Житіе св. Шалита* (Bedjan, I, стр. 428, 12), *Первое слово о мученикахъ Востока* (Bedjan, IV, стр. 88, 12), *Илія бар-Шинаи* (*Fragmente syrischer und arabischer Historiker* herausgegeben und übersetzt von Fr. Vaethgen въ *Abh. für die Kunde des Morgenl.*, VIII, № 3, 1884, стр. 90, 13 (bis) и 14), *Діонисій Тел-Махарскій* (*Chronique*, IVe partie, publ. et trad. par. J. V. Chabot, Paris 1895, стр. ܫܠܡܐ, 10). Отъ этого слова, какъ отъ трехбуквеннаго корня *с-п-г*, образованъ сирійскій глаголъ **ܫܠܡܐ** *покрылся шлемомъ* (Nöldeke ZDMG, XXV, стр. 671), употреблемый уже Евреюмъ Сириномъ, уроженцемъ Низибина, въ IV-мъ вѣкѣ (изд. Ovebeck's'a, 9, 11). Арабское **سَلْمَة** *панцирь* производится отъ этого же слова (Fränkel, *Die Aram. Fremdwörter im Arabischen*, стр. 240).

скаго сирійскаго писателя, современника или почти современника Анонима, въ языческое время, въ царствованіе перваго армянскаго аршакида Валаршака. Мараба, по Хоренскому, есть придворный историкъ царя Валаршака, составившій по его повелѣнію *Исторію Арменіи* по архивнымъ даннымъ Ншевиі. Хоренскій, представляясь располагающимъ этою книгою Марабы, находитъ однако нужнымъ сообщить (I, 9), что Валаршакъ «въ которую часть книги велѣлъ начертить на столбѣ (*արձանի*)». У Хоренскаго это свѣдѣніе о надписи виситъ въ воздухѣ, оно сообщило какъ будто безъ цѣли, но цѣль ясна. Ко времени Хоренскаго существовала уже *Исторія Арменіи* Анонима, сравнительно съ трудомъ Хоренскаго чрезвычайно краткая и кое въ чемъ существенномъ отличная. У современниковъ, знакомыхъ съ Анонимомъ, невольно могъ возникнуть вопросъ, почему такъ своеобразна и полна книга Хоренскаго? Тутъ-то и должно было подождать пущенное вскользь Хоренскимъ замѣчаніе о надписи. Отъ Анонима мы узнаемъ, что онъ пользуется надписью, найденною въ Низибнѣ; Хоренскій пишетъ, что надпись, дѣйствительно, существовала, но она представляла лишь извлеченіе, сдѣланное по приказанію царя Валаршака изъ пространной *Исторіи*, и онъ, Хоренскій, пренебрегъ ею и пользуется самую подлинною книгою.

Попутно у Хоренскаго какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ замѣчается высокомерное, даже враждебное отношеніе къ Анониму. Иногда онъ съ нимъ вступаетъ въ рѣзкую полемику. Это — непріязнь эллинофила, какимъ является Хоренскій, къ сиропфилу, Анониму. Хоренскій носитъ со своею любовью къ греческой образованности кстаги и некстаги. Онъ и въ дѣло Марабиной книги примѣшиваетъ Александра Македонскаго (I, 9), чтобы стусевать значеніе сирійцевъ, чтобы бороться съ неослабѣвшимъ еще обаяніемъ сирійской учености въ Арменіи. Имѣя въ числѣ главныхъ своихъ источниковъ сирійскіе памятники или переводы съ сирійскаго, Хоренскій въ тоже время твердитъ исключительно о научномъ значеніи Греціи, которую онъ называетъ «матерью и кормилицею наукъ» (*ճշմարտության հայրենիք* . . . *հիմնարկ*; I, 2). И это выраженіе настолько демонстративно въ изложеніи Хоренскаго, что оно имѣетъ видъ чисто полемическаго приѣма, направленнаго противъ кого-то, надо полагать противъ литературныхъ противниковъ, сиропфловъ. Сиропфилы, по всей вѣроятности, также провозглашали первенство сирійцевъ въ наукахъ. Во всякомъ случаѣ точно такая же фраза, какую произноситъ Хоренскій, была въ обращеніи среди сирійскихъ ученыхъ, но не относительно Греціи, а относительно Низибiana, этого par excellence «города просвѣщенія» (*شهر العلم*), см. *Житіе Сабаріесу* въ изд. Bedjan'a, стр. 291, строка 11, ср. Chabot,

L'école de Nisibe, son histoire, ses statuts, JA., 1896, стр. 83, прим. 3): «Низибинъ, мать наукъ» (نِسْبِينَا، اُمُّ الْعِلْمِ), см. *Le livre de la chasteté*, publié et traduit par J. B. Chabot, Rome 1896, № 46, текстъ, стр. 28, ср. Chabot, *L'école de Nisibe*).

Въ вопросѣ о Марибасѣ низибинская ученость особенно должна интересоваться насъ. Марибасъ, герс. Марйба или Мараба, которымъ пользовался Анонимъ и котораго Хоренскій обратилъ почти въ легендарное лицо, по изложенію Анонима, былъ низибинскій мудрецъ.

Ученое общество Низибина намъ теперь хорошо извѣстно. Низибинская школа была основана представителями такъ называемой персидской школы по изгнаніи ихъ изъ Едессы по декрету (489) Зенона (Chabot, *L'école de Nisibe*, стр. 45—46). Низибинъ тогда находился во власти персовъ, и это уже со времени уступки его (363) Ювіаномъ Шапуру. Съ конца VI вѣка низибинская школа идетъ къ упадку, ее перерастаютъ соперницы, напр. селевкійская школа (ц. с., стр. 80). Когда армянскій авторъ Анонимъ, писавшій не раньше начала V вѣка, но, повидимому, не позднѣе VII вѣка, говоритъ объ извѣстномъ низибинскомъ ученомъ, естественно предполагать, что онъ имѣетъ въ виду одного изъ корифеевъ упомянутой низибинской школы въ эпоху ея разцвѣта, и, дѣйствительно, въ числѣ учениковъ перваго ея директора Нарсая мы находимъ лицо съ интересующимъ насъ именемъ. Это католикосъ Мар-Аба, несторианскій патриархъ.

Мар-Аба былъ персъ по происхожденію; послѣ чудеснаго обращенія въ христіанство онъ явился въ Низибинъ для ученія. Впослѣдствіи низибинскій ученый отправился въ Едессу, гдѣ и выучился греческому языку у извѣстнаго знатока, Фомы. Путешествовалъ въ Константинополь, откуда онъ бѣжалъ, предвидя осужденіе Несторія, и занялся въ Низибинѣ преподаваніемъ. По смерти католикоса Павла въ 536 г., онъ наследовалъ ему (Chabot, ц. с., стр. 48—49). Католикосъ Мар-Аба «основалъ или возобновилъ въ Селевкіи школу, въ которой сталъ самъ преподавать. Но за смѣлѣя писанія или проповѣди противъ Зороастрова ученія онъ навлекъ на себя гнѣвъ Хосроя I [531—579]; Хосрой его выславъ въ Азербейджанъ, а церковь селевкійскую разрушилъ. Католикосъ имѣлъ смѣлость вернуться въ Селевкію, но его арестовали по приказу царя и заключили въ тюрьму, гдѣ онъ скончался въ 552 г.» (Chabot, ц. с., стр. 49). Послѣ Мар-Абы остались литературные труды (ц. с., стр. 50).

Найдутъ ли спеціалисты сирійской литературы нужнымъ отнести въ число подлинныхъ или подложныхъ трудовъ этого именно Марабы историческій трудъ, которымъ пользовались армянскіе историки и который теперь извѣстенъ, съ другой стороны, въ арабскомъ извлеченіи, вопросъ

будущаго. Я только хочу сказать, что арменисты не имѣютъ основанія возражать противъ такого шага, т. е. противъ признанія въ этомъ Марабѣ того лица, которому, дѣйствительно, принадлежала или вскорѣ послѣ его смерти была приписана наша *Хроника*, такъ какъ въ немъ именно имѣемъ весьма извѣстнаго сирійскаго ученаго, въ свое время окруженнаго учениками и слышшаго за великаго Марабу¹⁾; онъ былъ, дѣйствительно, нпзибинскимъ ученымъ, онъ могъ быть названъ халдейцемъ, какъ несторіанецъ, какъ членъ восточной сирійской церкви²⁾, и, наконецъ, біографическія данныя о немъ, объ его персидскомъ происхожденіи, объ его странствованіяхъ, объ его пребываніи въ Азербейджанѣ, могутъ объяснить интересъ къ прошлому различныхъ народовъ, въ частности къ исторіи персовъ и армявъ.

Изъ всего сказаннаго вытекаетъ, что арабское извлеченіе изъ сирійской *Хроники* Марбаса въ вопросъ о Хоренскомъ вноситъ прежде всего новыя фактическія данныя, намѣчаетъ матеріальную почву для его обсужденія. Какое бы эти данныя ни получили освѣщеніе, отнынѣ, мнѣ кажется, долженъ быть положенъ конецъ шумному, но едва-ли настолько же полезному потоку, быть можетъ, остроумныхъ, но безпочвенныхъ теорій объ *Исторіи армянъ* Моисея Хоренскаго.

1) Прозвище «Катина» не сохранено сирійскими источниками, какъ не сохранено на сирійскомъ языкѣ интересующее насъ сочиненіе, но упомянутое прилагательное у сирійцевъ, дѣйствительно, встрѣчается въ качествѣ прозвища: извѣстенъ сирійскій писатель Авраамъ, по прозванію Катина, жившій въ концѣ VI-го вѣка (Assemani, *B. O.*, III, ч. I, стр. 223 и 225).

2) Слово халдеецъ въ значеніи несторіанца, члена восточной церкви, въ древней сирійской литературѣ не встрѣчается, во всякомъ случаѣ пока не замѣчено изслѣдователями, но такое *argumentum e silentio* не достаточно, чтобы утверждать, что указанное значеніе, засвидѣтельствованное въ средніе вѣка, не могло существовать и раньше. Названіе восточныхъ сирійцевъ халдейцами опирается на одно мнѣніе, появляющееся въ сирійской литературѣ значительно раньше, именно на мнѣніе, что сирійцы это халдейцы. Баребрей въ своей хроникѣ говоритъ: «халдейцы, т. е. древніе сирійцы»; съ другой стороны самъ нашъ авторъ ассирійцевъ считаетъ сирійцами (см. выше, стр. 076). При моемъ отождествленіи само собою предполагается извѣстность, во-первыхъ, восточнаго обычая, не со всемъ чуждаго впрочемъ и Западу, опредѣлять національность по вѣроисповѣданію, и, во-вторыхъ, факта тѣснаго общенія армянъ съ несторіанцами: въ VI вѣкѣ несторіанцы между прочимъ жили въ центрѣ Арменіи, въ городѣ Двинѣ, гдѣ имѣли свою церковь. Болѣе того, сами армяне не исключаютъ возможности несторіанскаго происхожденія нѣкоторыхъ житій святыхъ армянской церкви (Галустъ Тэръ-Мкртчянъ, *Գրկեր-Գրանցիքս և Բարձր, Պիճարն անճմիտ*, Араратъ 1901, стр. 472). Къ тому же занимающее насъ историческое сочиненіе въ использованной армянами древнѣйшей части не представляло никакого соблазна съ точки зрѣнія армянскаго православія.